

Спроси у огня

Джун Мотидзуки

Если бы Джун попросили рассказать о его жизни в последнюю пару месяцев, он наверняка бы рассыпался в тысячах эпитетов, показывающих насколько у него все хорошо и благополучно. И действительно, мучившие его головные боли прошли, хотя он так и не стал отказывать себе в общении с духами, стремления отшельничать у него больше не возникало, а личная жизнь не переставала радовать положительными эмоциями. Во всем этом великолепии имелся только один момент, который с течением времени стал Джун заметно напрягать - его нездоровое стремление делать деревянных журавликов.

Сначала он просто списывал это на свою любовь к работе с деревом, но после четвертого, который изначально вообще не планировался птицей, задумался. А после шестого и вовсе напрягся так, что решил с этим безобразием как-то разобраться. И для начала постарался получить какую-нибудь подсказку у духов, но, к своему глубокому разочарованию, безрезультатно. Зато в процессе медитации, когда вместо привычного синтоистского храма Джун увидел японского журавля, отрывающегося от земли и взмывающего в небо, ему в голову пришла одна, как ему показалась, светлая мысль, истинность которой он решил проверить каким-нибудь доступным способом. Он прекрасно знал, что в монастыре имелось немало людей, способных превращаться в животных, но никогда не думал попасть в их число, довольствуясь уже имеющимся "общежитием" в голове. Хотя игнорировать имеющиеся факты Джун больше не мог, в очередной раз решив попробовать решить проблему самостоятельно.

Джун Мотидзуки

И как всегда, вместо того, чтобы сразу подойти к какому-нибудь не слишком загруженному мастеру и попросить его о помощи, Джун начал сам искать решение своей небольшой проблемы. И, к своему удовольствию, нашел, побольше почитав об искусстве офуда и его возможностях. Как оказалось, существовало замечательное заклинание помогающее человеку осознать свою звериную сущность, для которого всего-то и надо было - сносно начертить необходимые иероглифы и организовать какой-нибудь огонь.

Поговорив с местными, молодой шаман выяснил, что все даже проще, чем он представлял, поскольку подобное задание как-то давал мастер Ши Ньяо, используя для создания огня обычную свечу. А значит, ему не нужно было изобретать велосипед, хотя бы опосредованно воспользовавшись помощью весьма уважаемого им мастера. Так что, в один свободный и, к сожалению, одинокий зимний вечер, Джун решил попробовать воплотить в жизнь свою задумку, для чего притащил в свою комнату свечу и старую глубокую тарелку, которую раздобыл среди какого-то хлама, от которого в ближайшие дни собирались избавиться. Заготовки для офуда он взял за привычку держать под рукой, как и набор для каллиграфии, хотя и брался за него не так уж и часто, поэтому предварительная подготовка заняла у него не больше пяти минут, а вот на то чтобы как следует настроиться у Джун ушло еще минут десять, поскольку дело ему предстояло серьезное и требующее полной

сосредоточенности.

Джун Мотидзуки

Свечу Джун зажег сразу для создания соответствующей атмосферы. А дальше по плану шла самая кропотливая часть - старательное выписывание иероглифов 孫悟空. Собственно, той же ручкой или карандашом Джун правился бы за минуту, а то и быстрее, но здесь все усложнялось необходимостью работать кистью, к которой он так до конца и не привык. Держать ее горизонтально, не зажимать плечи... Казалось бы такие простые правила, но сколько же с ними было мороки, поскольку отслеживая правильное положение тела и движения руки, очень легко было допустить ошибку в том, что выходило благодаря касанию кончика кисти бумаги. И, поскольку несколько раз переделывать свою работу Джуну совершенно не хотелось, на выписывание каждого из иероглифов он потратил просто возмутительное по обычным меркам количество времени.

По итогам, результатами своих трудов молодой человек был скорее доволен. Пусть в искусстве каллиграфии он и не достиг особых высот, имеющихся знаний вполне хватило для создания заклинания. Правда качество его работы пока вызывало небольшие сомнения, так что долго тянуть и гадать - получилось или нет, Джун не стал, поднеся полоску бумаги с начертанными иероглифами к свече и ожидая, пока бумага загорится. Ну а дальше дело было за малым - положить горящий листок в тарелку и постараться в пламени найти ответ на волнующий его вопрос.

Джун Мотидзуки

Конечно, такой маленький листок не мог гореть долго, так что смотреть стоило очень внимательно, чтобы не пропустить самое главное. И Джун старательно вглядывался в пламя, пытаясь обнаружить хоть какую-то подсказку, способную подтвердить или опровергнуть его подозрения. Сначала ему показалось, что ничего не получилось, и его кривые, в определенные моменты, руки не справились со своей задачей, но затем в огне появился какой-то образ, постепенно приобретающей из бесформенной массы конкретные очертания.

За этими метаморфозами Джун следил чуть ли не открыв рот, поскольку ему впервые доводилось увидеть, как изначально темное пятно, превращается в прекрасную птицу с белоснежным оперением, чтобы через пару секунд рассыпаться искрами догоревшего листа бумаги. Наверное, используя он солидный костер, образ задержался бы на большее время, позволяя свыкнуться с увиденным, но и этих секунд ему оказалось достаточно чтобы понять - у его отца появилась еще одна причина сетовать на странности сына. И если истории с духами тот мог посчитать бредом или преувеличением, но его вероятное будущее превращение все ставило на свои места, еще сильнее увеличивая пропасть, образовавшуюся между тем миром, где он родился и тем, где жил сейчас.

Джун Мотидзуки

Джун не привык долго унывать или пытаться искать причины, почему в его жизни все складывалось именно так, а не иначе. Это было бессмысленно и никак не помогало решить имеющуюся проблему, которая заключалась в том, что ему следовало постепенно искать контакт со своей иной сущностью, которая долгое

время спала, а вот теперь решила проявиться в достаточно неожиданной форме. Хотя, в каком-то смысле ему повезло, поскольку к журавлям Джун всегда испытывал самые теплые чувства, в отличие от того же Маркуса, долго не находящего в себе сил, чтобы примириться со своей гиеной. Да и бескрайние небесные просторы манили его с самого детства, заставляя завидовать воздушным змеям, запуск которых всегда являлся одной из его любимых забав.

Посчитав, что раз он решил принять в себе журавля, то не стоит откладывать внутреннюю работу на неопределенный срок, Джун немного отсел от столика, принял удобную позу и вытащил четки, благодаря которым процесс вхождения в транс проходил быстро и легко. На этот раз он старался не думать о духах и тонких материях, сосредоточившись на образе прекрасного и манящего голубого неба, чтобы уже не в первый раз увидеть картину взмывающего в воздух японского журавля, приобретшую для него теперь совсем иной смысл...
